

Автор предупреждает, что все герои этого произведения являются вымышленными, а сходство с реальными лицами и событиями может оказаться лишь случайным.

Воспитанники Аполлинаруи Антоновны Пастуховой и их потомки

<i>Воспитанники (до революции 1917 года)</i>	<i>Потомки и претенденты на родство (наши дни)</i>
Петенька, сын графа Разуваева и смолянки Анны	Питер Разувайфф и его родственники, проживающие в Великобритании
Дочь банкира Синеглазова и балерины	Профессор Симеон Данилович Синеглазов
Сын вдовы Салтыковой и конюха (или не конюха)	Даша Салтыкова, стюардесса
Сын безграмотной кухарки и отпрыска профессоров Смоленских	Валентина Смоленская, ее дочь и сын, ее брат с детьми и отец
Внук лесопромышленника Мещерякова, рожденный его дочерью от молодого вольнодумца, брата ее подруги, отправленного на каторгу	Потомков в России не осталось. Все Мещеряковы проживают во Франции
Дочь итальянской певицы Каролины, гастролировавшей в Санкт-Петербурге, и князя Воротынского	Солоист Мариинского театра Евгений Луговской; Алина, бывшая участница девчоночьей группы и содержанка

<p>Сын девушки, история которой напоминает сюжет картины «Неравный брак» Василия Пукирева, и ее молодого любовника по фамилии Васильев</p>	<p>Семья Васильевых, владельцы детективного агентства</p>
<p>Дочь революционерки, отправившейся за любимым мужчиной в Сибирь</p>	<p>Семья Артамоновых — деятели коммунистической партии</p>

ПРОЛОГ

Задолго до революции 1917 года

Аполлинария Антоновна лежала на койке в небольшой больничке у самого кладбища и смотрела в потолок, который давно требовал ремонта. Тут все требовало ремонта — стены, мебель. Но здесь уже много лет трудился невероятный доктор Николай Аристархович Богомазов. Именно он помог ее брату, когда тот вернулся из Персии.

Почему его послали в эту Персию? Какое их семье было дело до Персии, в которой столкнулись интересы Российской и Британской империй? Аполлинария Антоновна, как, впрочем, и ее брат, так и не поняли, из-за чего в Персии гибли русские люди. Вообще они много где гибли на протяжении веков, и их родственники не понимали, за что. Если речь идет о защите Отечества, то русский человек сам бросится в бой. Защита Отечества — святое. Аполлинария Антоновна первая сказала бы брату, что надо отправляться на фронт. И Василий Антонович бы и сам без ее подсказок пошел защищать Россию. Но его послали в Персию.

Когда брат вернулся, Аполлинария Антоновна выхаживала его вместе с доктором Богомазовым. В основном, конечно, все делала Аполлинария Антоновна, она только советовалась с доктором. Главное — доктор Богомазов всегда умел найти для своих пациентов и их

родственников правильные слова, что не менее важно, чем само лечение. Он умел поддержать, приободрить. Но хотя и брал Николай Аристархович за свои услуги немного, лишних денег у них с братом не было.

Их мать умерла давно, рожая третьего ребенка, отец погиб на дуэли. Хорошо, что были живы бабушка с дедушкой, которые и взяли детей, но быстро постарались от них избавиться. Нет, не сдали в приют, не выгнали на улицу, а дали образование. Аполлинария Антоновна окончила первое женское учебное заведение в России — Смольный институт благородных девиц. Конечно, взяли ее только в отделение «для мещанских девиц», куда брали девушек из недворянских сословий, кроме, конечно, крестьянок. Да те и не стремились. Но Аполлинария Антоновна, тогда просто Поля, предпочла бы провести свое детство, отрочество и юность с любящими родителями, а не в интернате. Да и, как потом выяснилось, ее брат тоже. Они стали очень близки после его возвращения из Персии одноногим.

Приданого у Аполлинарии Антоновны не было. Папенька успел все проиграть в карты. Дедушка не оставил им с братом ничего — у него кроме папеньки было еще двое «правильных» детей. Вот им все и досталось. Или они заграбастали сами, хотя не нуждались. Но что могли поделать Аполлинария и Василий? Спасибо, что получили образование, позволявшее найти работу. Аполлинария Антоновна до возвращения брата из Персии трудилась гувернанткой в одной хорошей купеческой семье.

Но потом пришлось выхаживать брата, и работа с проживанием в семье перестала ее устраивать, хотя раньше она как раз искала с проживанием. «Щедрые» родственники проявили благородство и выделили им крошечную квартирку в доме, где сдавали квартиры внаем. У родственников много чего имелось. Василий

Антонович, немного придя в себя, стал в этом доме управляющим. Удобно — они же жили на первом этаже. Василий Антонович научился ходить на костылях, потом на деревянном протезе. Но ногами в семье была сестра. Аполлиария Антоновна давала уроки девочкам из благородных и мещанских семей, она же покупала продукты и все, что требовалось в дом. Брат прекрасно вел бухгалтерский учет, следил за жильцами, чтобы не испортили хозяйское добро, а если испортили, то чтобы заплатили. И еще Василий Антонович научился прекрасно готовить!

Через некоторое время в доме, где они жили с братом, поселился мелкий чиновник Пастухов. Был он не очень молод, собой не очень хорош, но человеком оказался душевным. К тому же одиноким. Он стал заходить в гости к брату с сестрой, они обсуждали книги. Все трое увлекались чтением. И хотя все не любили англичан, но «Портрет Дориана Грея» мистера Уайльда и «Приключения Шерлока Холмса» мистера Конан Дойля произвели и на мужчин, и на женщину большое впечатление. Потом они все читали мистера Киплинга, обсуждали и происходящие в мире события. Что за золотая лихорадка на Аляске? А что означает для России Японо-китайская война? И почему Италия полезла в Эфиопию? И почему Россия вдруг стала эту Эфиопию поддерживать? Только потому, что Италию поддерживали англичане? Какое нам дело до этой Африки?

Разговоры были интересными для всех троих. Аполлиария Антоновна с нетерпением ждала вечера. Готовили ужин теперь на троих — Пастухов давал деньги на продукты. А потом Фрол Петрович Пастухов сделал ей предложение, и его совершенно не интересовало, есть у Поленьки приданое или нет. Конечно, оно бы не помешало, но Фрол Петрович заявил, что для него главное — душевная близость.

В общем-то, в жизни Аполлинаруи Антоновны кардинально ничего не изменилось. Она просто переехала в такую же крохотную квартирку Фрола Петровича этажом выше. Она продолжала давать уроки, готовил чаще ее брат, который все время находился дома и любил возиться у плиты, только теперь делал это всегда на троих. Правда, завтрак подавала Аполлинурия, но все трое мало ели по утрам, так что это ее не напрягало. Вместе обедали по выходным. Убирала и стирала деревенская девка Дуся. Она во всем доме убирала, и жильцы отдавали ей вещи в стирку.

А потом Аполлинурия Антоновна поняла, что беременна. Долго не говорила об этом ни мужу, ни брату. Должна была убедиться. Она и не надеялась на такое счастье! Ведь лет ей было немало, а Фролу Петровичу еще больше, причем значительно больше. Но Господь сделал им этот подарок! Все трое с нетерпением ждали появления ребеночка. Фрол Петрович сказал, что будет рад и мальчику, и девочке, и настоял, чтобы дорогую Поленьку обязательно регулярно осматривал врач. И на роды они пригласят только хорошего врача. Самого хорошего!

Конечно, выбор они остановили на Николае Аристарховиче Богомазове. Не было у них других знакомых врачей, да и знали они, скольким людям он помог. Даже слух ходил, что убийца принес Богомазову долг убитого — тот на последнем издыхании сказал: «Должен я доктору, отдай». И отдал! И другие пациенты, если не могли сразу расплатиться, приносили деньги через месяц, три и больше. А вдруг разбогатеет, жертвовали на лечение нуждающихся. А то, что больница у него с окнами на кладбище... Так не может он себе позволить арендовать, а тем более купить дом на Невском проспекте. Иначе цены на его услуги стали бы неподъемными для его пациентов.

Николай Аристархович сказал, что Аполлинаруи Антоновне нельзя рожать дома, нужно приехать в больницу, и заранее.

Услышав, что рожать нужно только в больнице, забеспокоились и Фрол Петрович, и Василий Антонович. Обычно-то в те времена дома рожали, даже царицы и графини.

— Мне сложно привезти с собой все инструменты, которые могут потребоваться, — сказал доктор Богомазов. — Возраст. Первые роды. Ребенок крупный... Лучше у меня в больнице.

Дату родов он определил и велел прибыть дня за три, предполагая, что все может пойти по незапланированному сценарию. Может, изначально знал, что велика вероятность печального исхода, но надеялся на лучшее и не хотел заранее расстраивать Аполлинаруи Антоновну.

Мужу и брату Николай Аристархович обещал сразу же прислать посыльного с новостями.

Роды начались на следующий день после того, как Фрол Петрович привез супругу к доктору. Девочка родилась мертвой.

И теперь Аполлинурия Антоновна смотрела или в давно требующий ремонта потолок, или на кресты, уходящие вдаль. Вскоре на кладбище добавится еще одна могилка — ее крошечной дочери, которую даже покрестить не успели. На кладбище была церковь, Николай Аристархович прекрасно знал батюшку и частенько приглашал его к тем, кто хотел исповедоваться или прочитать отходную. Можно ли будет отпеть ее девочку, невинную душу, ангелочка, который сразу же улетел в тот мир? Аполлинурия Антоновна не знала.

Кто-то зашел в палату, где она почему-то лежала одна. Обычно всегда больница была переполнена, а тут Аполлинурия Антоновна оказалась в одиночестве

в четырехместной палате, хотя за стеной и на улице слышались голоса. И, как и всегда здесь, она слышала стоны, плач... Хотя бывала и радость — выздоровление, рождение ребенка.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Николай Аристархович, усаживаясь на соседнюю койку. Он взял руку Аполлинаруи, проверил пульс. Ей было так плохо, что она даже не узнала шаги доктора!

И как она могла себя чувствовать?! Что за дурацкий вопрос?

— Я говорю про физическое состояние, не душевное.

Какое физическое? Она умерла! Умерла вместе со своей дочерью! Ее нет! Осталась одна физическая оболочка. И что будет с Фролом Петровичем? С братом Васенькой?

— Я смогу еще иметь детей? — все-таки спросила Аполлинурия Антоновна.

Доктор Богомазов долго не отвечал. Аполлинурия Антоновна повернулась к нему и увидела печальное лицо пожилого врача. Казалось, что даже его бородака грустно опустила.

— Я бы не советовал вам рисковать, — наконец сказал он.

— Я могу...

— Вы можете забеременеть. Но это смертельно опасно для вас, и очень высока вероятность... повторения того, что случилось в этот раз.

Второй раз она такое не перенесет... Если бы была гарантия рождения живого ребенка, то Аполлинурия Антоновна обязательно рискнула бы.

— Сейчас к вам зайдет одна ваша знакомая. Она хочет с вами поговорить. Знайте: я хочу вам помочь. Вам обеим. И сделаю все, что от меня зависит. Нужно только ваше согласие.

Какая знакомая? Какое сейчас дело Аполлинаруи Антоновне до каких-то знакомых?!

Николай Аристархович вышел, а в палату вошла...

— Аня? — удивленно спросила Аполлинурия Антоновна.

Это была одна из ее подруг по Смольному институту. Пути-дорожки их разошлись, и они не виделись много лет. А в годы учебы очень дружили и любили вместе играть на рояле в четыре руки.

Аполлинурия Антоновна помнила Анну красавицей. Какие у нее были шикарные волосы — коса толщиной в руку! А брови, пушистые ресницы... Коса никуда не делась, но сейчас Аня была очень бледной и плакала. «Как из склепа», — почему-то подумала Аполлинурия Антоновна. Хотя они же в больнице. Сюда здоровые не попадают. Ну, если только рожать...

— Аня, что с тобой?!

Аполлинурия села на кровати, потом встала и помогла Анне добраться до соседней койки, уложила ее. Анне явно было хуже, чем ей. То есть хуже физически. Душевно так плохо, как ей, не могло быть никому.

Или могло?

Еще как могло.

— Я только что родила ребенка, — сказала Анна.

— Мертвого? — вырвалось у Аполлинаруи.

— Нет, живого. Здоровенького мальчика.

И Анна горько заплакала.

Аполлинурия не понимала, из-за чего же тогда Анна плачет. Живой и здоровый ребенок — это же счастье! Она должна плясать от счастья. Аполлинурия бы плясала. Аполлинурия бы...

Аполлинурия Антоновна держала руку другой бывшей смолянки в своей и пыталась ее утешить. Только совсем не понимала, почему она утешает Анну, а не наоборот.

— Я не могу оставить себе ребенка, — наконец сказала Анна между рыданиями.

— Ты родила без мужа? — поняла Аполлинария Антоновна. — Отец ребенка обесчестил тебя и бросил?

— Он умер.

— И оставил тебе только долги?

Анна посмотрела на Аполлинарию и печально улыбнулась:

— Я могу содержать ребенка, Поля. Но его могут убить. То есть его точно убьют, если узнают, что его отец — граф Разуваев. Это же сын, наследник! Титула и всего, что к нему прилагается.

— Но ведь граф Разуваев недавно погиб! Я сама читала в «Ведомостях»...

— Был убит. Но мы успели обвенчаться.

— Но тогда почему...

— Потому что слишком много претендентов на графский титул, усадьбу, особняк в Петербурге, все остальное... Потому что граф Разуваев — это... на самом деле... Нет, я не имею права говорить! Поля, меня ненавидели очень многие из окружения графа, а уж члены его семьи... Ребенок не получит ничего. И не надо! Не в этом дело. Я же говорю, что могу его содержать. Граф Разуваев меня обеспечил. Но ребенка убьют, если я оставлю его себе! Наследнику графа Разуваева не жить!

— Как я могу тебе помочь, Аня? — спросила Аполлинария Антоновна. Помощь другим помогает легче пережить собственное горе.

— Возьми моего ребенка, Поля. Я... знаю, что у тебя случилось. Пусть все считают, что ты родила здорового мальчика, а я — мертвую девочку. У тебя будет ребенок, Поля! Живой, здоровый ребенок. Ведь твой муж и брат еще не знают, что у тебя... Им же еще никто ничего не сообщил? Девочку я похороню. Если захочешь, сама сможешь ухаживать за могилой. Нет, лучше я.

Или вместе, чтобы родственники Разуваева ничего не заподозрили. А я стану крестной своего собственного сына. Буду помогать деньгами. Я же могу делать подарки своему крестнику? Никто ничего не заподозрит. Мы же с тобой вместе учились. Потом встретились здесь, в больнице. Ты пригласила меня стать крестной. Поддержала на похоронах мертвой девочки. Только ты должна держать язык за зубами. Всегда, до гробовой доски. Никому и никогда не проговориться!

— А кто знает, что...

— *Николай Аристархович. Он поможет. Я же у него жила в последнее время. Боялась, что меня беременную... Я боялась за свою жизнь, за жизнь ребенка. Эти родственники Разуваева... Еще знает помощница доктора Богомазова. Ниловна. Ты, конечно, знаешь Ниловну? Она же с ним лет пятьдесят вместе работает, предана до гроба. И не станет она желать смерти ребеночку. Она про меня все знает. Она мне еду носила. Они не выдадут. Ну, как ты решишь?*

— *А ты потом не забереешь у меня ребенка? Он навсегда будет моим?*

— *Да как я смогу его забрать-то? И куда?*

— *Я согласна, — сказала Аполлинария Антоновна.*